

На правах рукописи

Труфанова Жанна Николаевна

**ПЛОСКОЕ АЖУРНОЕ ЛИТЬЕ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(стилистика-иконографический анализ)**

Специальность - 07.00.06 - археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск - 2003

Работа выполнена на кафедре истории России
в Сургутском государственном университете

- Научный консультант:** доктор исторических наук,
профессор **Р.Д. Голдина**
- Официальные оппоненты:** доктор исторических наук,
профессор **В.В. Бобров**
- кандидат исторических наук,
СВ. Кузьминых
- Ведущая организация:** Томский государственный
университет

Защита состоится 22 апреля 2003 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Удмуртском государственном университете.

Адрес: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корп. П.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан «20» марта 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Во второй половине первого тысячелетия до новой эры на всей территории Западной Сибири начали проявлять себя процессы, имевшие прецеденты и в предшествующие эпохи - центробежные тенденции развития стали сменяться центростремительными. Усиливавшийся процесс интеграции привел к тому, что к IV в. до н.э. эпоха «культурной раздробленности» надолго сменилась эпохой культурных общностей. Итогом этого процесса явилось сложение в лесостепи Западной Сибири саргатской культурной общности, а в таежной зоне - кулайской культуры, за которой в последнее время тоже закрепляется термин «общность». Факторы и механизмы культурной консолидации, действовавшие в то время, до сих пор остаются для исследователей мало объяснимыми. Тем не менее, факт остается фактом. За короткое по историческим меркам время в степи и лесостепи распространились сходные формы оружия, конской упряжи и звериного стиля - сформировалась так называемая «скифская триада». Аналогичные в целом процессы происходят и в таежной зоне Западной Сибири. Здесь в роли составных частей «кулайской триады» выступают характерный набор вооружения, фигурно-штампованная керамика, специфическая бронзовая металлопластика. Показательно, что именно бронзовое литье явилось в свое время основанием для выделения кулайской археологической культуры.

Актуальность. В исследовании бронзовой художественной пластики железного века Западной Сибири на сегодняшний день сложились два основных направления, в целом характеризующие две тенденции в подходе к реконструкции архаического мировоззрения. Первое направление сформировалось в среде археологов и, отчасти, этнографов. В фокусе внимания этих исследований находятся семантические аспекты древней изобразительной деятельности. При истолковании образов и сюжетов первобытного искусства, авторы обращаются к этнографически зафиксированным представлениям и обрядам, учитывая возможную этногенетическую связь носителей разновременных культурных традиций. В основе этих сопоставлений - метод вертикальных аналогий в генетическом, либо ретроспективном виде. Второе направление сформировалось в рамках московско-тартуской семиотической школы. Здесь методической основой реконструкций выступает структурный метод. Оба этих подхода в полной мере проявились при изучении бронзовой художественной пластики кулайской культуры в работах, посвященных семантике и прагматике кулайской металлопластики.

С позиции логики исследовательской процедуры сложившаяся ситуация парадоксальна, так как до сих пор кулайские изображения не

подверглись специальному исследованию на морфологическом уровне. Это, безусловно, сказывается на качестве и достоверности предлагаемых исследователями семантико-ритуальных реконструкций. Отсутствие количественных данных по образам кулайской металлопластики приводит к переоценке одних образов и недооценке других. Отсутствие формализации морфологических признаков приводит к преобладанию визуально-интуитивного подхода при характеристике специфики изобразительной деятельности кулайцев. Все это не позволяет методически корректно сравнивать кулайскую металлопластику с изобразительной деятельностью предшествующих, синхронных и последующих культур.

Объектом исследования явилась одна из составных частей кулайской художественной металлопластики - плоское ажурное литье. Безусловно, взгляд на *весь комплекс* кулайской металлопластики как целостное историческое явление оправдан. Вместе с тем, мы полагаем, что этот взгляд должен формироваться на основе дифференцированного источниковедческого анализа. Характеристика любого многокомпонентного явления требует предварительного исследования «поведения» каждого из этих компонентов в отдельности.

Цель исследования - систематизация всего имеющегося корпуса источников и формирование на ее основе целостного представления об иконографии и стилистике бронзовой ажурной металлопластики кулайской культуры.

Задачи исследования:

1. Выявление основных направлений изучения бронзовой металлопластики железного века Западной Сибири в процессе их становления и развития.

2. Классификация плоского ажурного литья с целью выявления его базовых морфологических характеристик.

3. Анализ морфологии изделий с применением максимально возможной формализации и методов количественной статистики.

4. Исследование стилистико-иконографических особенностей образов на основе использования статистических качественно-количественных методов. Выделение иконографических типов.

5. Исследование аспектов генезиса кулайской изобразительной традиции эпохи раннего железа.

Источники. Основу источниковой базы составили материалы, происходящие с более чем 40 памятников и мест отдельных находок, исследованные или полученные в разное время В.Б. Бородаевым, Е.М. Данченко, М.В. Елькиной, М.Ф. Косаревым, В.И. Матюшенко, В.А. Могильниковым, В.И. Мошииской, И.М. Мягковым, Л.М. Плетневой, Г.А. Степановой, Т.Н. Троицкой, Р.А. Ураевым, Н.В. Федоровой, Ю.П. Чемякиным, В.Н. Чернцовым, Л.А. Чиндиной, Я.А. Яковлевым.

Количество учтенных изделий составило около 330 экз. Коллекции хранятся в музеях и кабинетах археологии Барнаула, Екатеринбурга, Колпашево, Новосибирска, Омска, Томска. Мы глубоко признательны А.П. Зыкову, Л.И. Погодину, В.И. Стефанову, Н.В. Федоровой, Ю.П. Чемякину и Я.А. Яковлеву за возможность использовать в работе неопубликованные материалы.

Территориальные рамки исследования определены географией распространения художественных изделий плоского ажурного литья раннего железного века, происходящих из Томско-Нарымского Приобья, Новосибирского Приобья, междуречья Оби и Енисея, Барнаульского Приобья, Среднего Прииртышья, Сургутского Приобья. В ландшафтном и гидрологическом отношениях - это зона лесостепи и тайги Обь-Иртышского бассейна. Для определения специфики западносибирского культовой литья среди синхронных культурных образований в работе использованы типологически близкие материалы Приуралья, Урала, Нижнего Приобья, Восточной Сибири.

Хронологические рамки исследования достаточно условны. Нижняя граница определяется временем появления первых для эпохи железа бронзовых художественных изделий, т. е. приблизительно VI—V вв. до н.э. Верхняя граница менее определена. Изобразительные традиции, сложившиеся в васюганско-белоярскую эпоху, переживают свое время и продолжают существовать в саровское время, а также в виде остаточных явлений в релкинской и синхронной ей металлопластике, доживая, таким образом, как минимум до VIII в. н.э.

Методика исследования. Основной метод, используемый в работе - сравнительно-исторический. В качестве основы для сравнительного изучения нами применялся морфологический анализ, позволивший формализовать признаки металлопластики исследуемого типа и, затем, сформулировать особенности ее стилистики и иконографии на основе методов математической статистики. В работе использовались элементы генетического и ретроспективного методов, а также метод аналогий.

Новизна исследования состоит в систематизации и классификации всего корпуса источников по заявленной проблематике на основе статистического анализа и формировании целостного представления о плоском ажурном литье как самостоятельном культурном явлении древней истории Западной Сибири. Впервые на основе методов математической статистики выделены иконографические типы изображений и определены геометрические основы изобразительной деятельности кулайцев. Результаты статистического анализа предоставили данные об удельном весе образов кулайского искусства и выявили закономерности их сочетания. Все это дало возможность рассмотреть проблемы развития кулайской изобразительной традиции во времени и пространстве.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по древней истории Западной Сибири в системе высшего образования, при написании сводных и обобщающих работ по традиционному искусству и мировоззрению коренных народов Сибири. Разработанная терминология описания бронзовых изображений может быть применена при составлении музейных каталогов, а также в краеведческой работе.

Апробация. Основные положения диссертации апробированы на симпозиумах и конгрессах в Тобольске (1999, 2001 гг.) и Ханты-Мансийске (2002 г.), а также в четырех публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. Приложения включают статистические таблицы, описания изделий и альбом иллюстраций.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены цели и задачи, охарактеризована источниковая база, очерчены хронологические и территориальные рамки работы. Дана характеристика методов исследования, выделена его новизна и практическая значимость.

ГЛАВА 1

ПЛОСКОЕ АЖУРНОЕ ЛИТЬЕ И КУЛАЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

История открытия и последующего изучения кулайской культуры нетипична для западносибирской археологии. Кулайская культура была выделена на основании своеобразия предметов изобразительной деятельности и длительное время не имела привязки к какому-либо керамическому материалу, что во многом затрудняло изучение вопросов ее происхождения, хронологии, исторических судеб и т. д. Эти вопросы решались на материалах так называемых культовых мест, в которых значительное место занимали находки бронзовой художественной металлопластики.

В 1914 г. А.П. Ермолаевым была опубликована коллекция предметов, найденных на левобережье Чулыма, близ д. Ишимка Ачинского уезда Красноярской губернии. Среди всех находок наибольший интерес вызывали изделия, представляющие бронзовые изображения животных и человека. От внимания А.П. Ермолаева не ускользнула технологическая неоднородность этой группы предметов, которая была разделена на «бронзовые изображения» и «грубое ажурное литье из

чистой меди», предметы которого «...как будто и не были в употреблении» [Ермолаев, 1914, с. 12].

В 1927 г. И.М. Мягков опубликовал небольшую статью «Находка на горе Кулайке». В ней были опубликованы бронзовые изделия, в большинстве своем - предметы изобразительной деятельности, а также обломки котлов и своеобразные наконечники стрел. И.М. Мягков очертил круг¹ аналогий кулайским изделиям и предложил их датировку ранним железным веком в пределах I-V вв. н.э. Вторая работа И.М. Мягкова, вышедшая через два года, представляла собой уже фундаментальный труд, посвященный выделению кулайской культуры, определению ее хронологии, территориальных рамок, происхождения и т.д. Показательно, что эти вопросы решались автором на основании бронзовой металлопластики. Наследие И.М. Мягкова имеет важное методологическое значение для изучения кулайского литья. Чрезвычайно актуально положение автора о том, что «...метод сравнительного изучения происхождения какого либо сюжета, основанный только на сходстве сюжетов мало убедителен. Более убедительны данные формального исследования развития художественного стиля» [Мягков, 1929, с.70].

Следующий этап активизации интереса к культовому литью Западной Сибири наступил почти через 25 лет и связан с работами В.Н. Чернецова и Р.А. Ураева. В 1953 г. вышла работа В.Н. Чернецова «Бронза усть-полуйского времени». В ней автор опубликовал находки с Усть-Полуйского городища, а также материалы других памятников, большинство из которых он определил как «клады». Анализируя круг аналогий усть-полуйским бронзам, В.Н. Чернецов пришел к выводу об определенных стилистических различиях «плоского» усть-полуйского литья от «ажурного» кулайского, рассматривая их, тем не менее, как варианты одного и того же явления. В.Н. Чернецов был первым, кто попытался определить и сформулировать технологические, стилистические и сюжетные особенности поделок западносибирского плоского литья.

Если проблема соотношения усть-полуйских бронз с определенным типом керамики для В.Н. Чернецова не стояла, то для «восточного варианта», т.е. томско-нарымских изображений, она по-прежнему оставалась актуальной. Не помогло решению этой проблемы и расширение источниковой базы.

В 1956 г. вышла статья Р.А. Ураева «Кривошеинский клад», которая ярко продемонстрировала, что кулайские «клады» с массовыми находками бронзовых изображений - явление далеко не единичное для Томско-Нарымского Приобья [Ураев, 1956, 1959]. Кулайская культура в это время была по-прежнему представлена материалами культовых мест, поэтому все проблемы, которые считал необходимым затронуть

Р.Л. Урасв, решались им на основании предметов вооружения и бронзовых изображений.

Шестидесятые годы XX в. можно считать переломным периодом в изучении кулайских древностей.

Начиная с середины 50-х гг. в Томском Приобье под руководством В.И. Матющенко развернулись масштабные полевые работы. И хотя в сфере его интересов находились в основном памятники эпохи неолита и бронзы, именно их исследование позволило наметить направление, связанное с изучением генезиса кулайских древностей. Речь идет о раскопках поселения Самусь IV, давшего, помимо прочих находок, серию керамики с антропоморфными и зооморфными рисунками. В.И. Матющенко был первым, кто обратил внимание на сходство самусьских антропоморфных изображений с усть-полуйскими и кулайскими [Матющенко, 1961], фактически обосновав глубокую древность изобразительных традиций раннего железного века Западной Сибири.

Исследование кулайской культуры М.Ф. Косаревым шло в несколько ином ключе. Начиная с 1961 г., он предпринимал целенаправленные попытки поиска и исследования памятников, которые связали бы кулайское литье с определенным типом керамики. В 1966 г. на Смолокуровском городище в слое, содержащем фигурно-штампованную и волнисто-прочерченную керамику, было найдено бронзовое антропоморфное изображение [Косарев, 1969]. Работы по кулайской культуре, опубликованные М.Ф. Косаревым в конце 60-х - начале 70-х гг. являются обобщающими для того времени. Характеризуя кулайское бронзовое литье, автор выделяет среди них шесть основных категорий. В культурогенетическом плане М.Ф. Косарев поддержал идею В.И. Матющенко о связи кулайского изобразительного стиля с антропоморфными и зооморфными рисунками на самусьской керамике.

В.И. Матющенко и М.Ф. Косарев были первыми, но не единственными, кто обратил внимание на генетические корни кулайского изобразительного стиля. В 1971 г. этот сюжет затронул В.Н. Чернецов в работе «Наскальные изображения Урала». Характеризуя особенности томских наскальных изображений, автор усматривал их стилистическое сходство с кулайскими отливками, выражающееся, прежде всего, в гипертрофическом подчеркивании характерных черт животных [Чернецов, 1971, с. 105]. Годом позже вышла монография А.П. Окладникова и А.И. Мартынова «Сокровища томских писаниц», в которой они сравнивают позднейшие, по их мнению, изображения лосей с предметами художественного литья кулайской культуры. Другое направление аналогий томским петроглифам А.П. Окладников и А.И. Мартынов задают, отмечая сходство антропоморфных фигур писаниц с самусьскими изображениями по признакам лучеобразности голов и сходства поз.

В конце 60-х - начале 70-х гг. в разработку кулайской проблематики активно включаются Л.А. Чиндина, Л.М. Плетнева, Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Могильников. Это время резкого увеличения источников по раннему железному веку Томско-Нарымского Приобья и сопредельных территорий. Кулайские и близкие к ним в культурном отношении памятники становятся известны в Новосибирском Приобье, Среднем Прииртышье. В 1970 г. в Томске состоялось первое Западносибирское совещание, на котором стало очевидным, что проблема культурной принадлежности памятников с фигурно-штампованной орнаментацией керамики и ее связи с бронзовой металлопластикой носит общесибирский характер.

Следующим этапом, маркирующим состояние изученности и осмысления кулайских древностей явился 1972 г. В этом году в Томске прошли две крупные конференции: «Проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков» и Совещание по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Анализ опубликованных тезисов и докладов четко фиксирует свершившийся перелом: кулайская культура за неполные три года из культуры бронзовых изделий превратилась во вполне типичную по западносибирским меркам «керамическую» культуру. Вопросы происхождения, культурных связей, судеб, этнической принадлежности теперь ставятся и решаются на основании керамического материала. Упоминания о бронзовой металлопластике встречаются, но ее роль уже иная - не главная, ведущая, а скорее - иллюстративная.

В 1976 г. в Новосибирске состоялся семинар, посвященный проблемам кулайской культуры, который подвел итоги изучению кулайской проблематики. Тематика опубликованных докладов разделяется на четыре направления. 1) Углубленное изучение хронологии и культурной принадлежности памятников Томско-Нарымского Приобья. 2) Изучение периферии кулайской культуры. 3) Исследование аспектов происхождения кулайской культуры. 4) Реконструкция верований и культов кулайского населения. Начиная с доклада М.Ф. Косарева «О культе дерева у кулайцев», формируется особое направление, связанное с изучением семантики кулайских изображений, причем вопросы стилистики и иконографии в этом направлении практически не фигурируют, в лучшем случае, образуя небольшие самостоятельные сюжеты.

В 1977 г. выходит первая обобщающая работа по раннему железному веку Верхнего Приобья - монография Л.М. Плетневой «Томское Приобье в конце VIII - III вв. до н.э.». Для нашей темы наиболее важны полная публикация бронзовых изображений, происходящих из раскопок Р.А. Ураева у п. Степановка близ Томска, а также изображений с поселения Кижирово, выполненных на керамике и песчаниковых плитках.

В конце 70-х гг. в разработку кулайской проблематики включился Ю.В. Балакин. Он сосредоточил внимание на семантическом и прагматическом аспектах культового литья. В 1978 г. Ю.В. Балакин первым из западносибирских археологов обосновал необходимость использования семиотического метода при изучении произведений первобытного искусства. Вместе с тем, автор, заявив о необходимости синтеза синтаксиса, семантики и прагматики при изучении культового литья, сам к синтаксису не обращался.

Почти одновременно с Ю.В. Балакиным тематику, связанную с культовым литьем Урала и Западной Сибири, разрабатывает Л.В. Чижова. Серия ее работ, завершенная в 1983 г. кандидатской диссертацией «Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири (по материалам культового литья)» показала выраженную «обществоведческую» направленность исследовательского подхода. Так, цель диссертации автор видит в характеристике содержания культового литья *через анализ уровня социальных отношений* (курсив наш - Ж.Т.). В основу предлагаемой классификации культовых поделок Л.В. Чижова берет принцип содержания. Основное внимание автор уделяет анализу образов и мотивов, считая различия в стиле и манере исполнения несущественными.

Наиболее весомым вкладом в разработку проблем кулайской культуры за все время ее исследования явилась монография Л.А. Чиндигтой «Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура», вышедшая в 1984 г. В полной мере значимость этого исследования относится и к изучению кулайской металлопластики. Для нас наиболее важен сюжет, посвященный классификации изображений ваюганского этапа.

В 1991 г. выходит из печати монография Н.В. Полосьмак и Е.В. Шумаковой «Очерки семантики кулайского искусства». В первой части исследование авторов идет от антропо- и зооморфных образов металлопластики к поиску семантических аналогов в этнографическом материале. Во второй части — от персонажей угорского пантеона к поиску соответствующих воплощений в бронзовых изображениях. Для нашей темы наибольший интерес представляют элементы анализа кулайской стилистики, присутствующие в разных частях работы.

С середины 80-х гг. в изучении кулайской металлопластики начинается оформление направления, которое можно назвать *технологическим*. Оно развивается на общем фоне роста интереса к традиционным технологиям и экспериментальным методам и связано в основном с работами С.А. Терехина, Л.А. Чиждиной, И.Г. Глутикова, И.А. Дуракова.

Таким образом, в изучении кулайской металлопластики, в том числе и плоского ажурного литья, на сегодняшний день сформировались четыре основных направления.

Первое— условно названо нами *культурно-типологическим*. Оно ориентировано на изучение проблематики, связанной с исследованием хронологии и периодизации культового литья, аспектов его происхождения, судеб, т.е. проблем, находящихся в едином русле кулайской проблематики в целом. *Второе* направление связано с исследованием *технологии* металлообработки кулайских бронзовых изображений. *Третье* направление посвящено изучению *семантики* и *прагматики* кулайской металлопластики. *Четвертое* направление можно охарактеризовать как *формальное*. Оно включает разработку аспектов классификации и типологии кулайских изображений, выявление особенностей их иконографии, стилистики, образов, сюжетов и т. д. В сущности, это источниковедческое направление, с той разницей, что оно изучает объект исследования не с позиций археологического источниковедения, а скорее - с формально-искусствоведческих принципов.

Однако, в настоящее время формальные исследования кулайской металлопластики, существенно отстают от попыток показать ее место «в мифе и ритуале». Исключением в этом ряду являются исследования Н.В. Федоровой и Я.Л. Яковлева. Ряд интересных наблюдений Н.В. Федоровой по иконографии, стилистике, сюжетике ранних западносибирских бронзовых изображений вносят определенный вклад в разработку обозначенной проблематики [Федорова, 1994, 2001].

Наиболее весомым вкладом последних лет в разработку кулайской проблематики является монография Я.А. Яковлева «Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место» [2001]. Впервые с начала исследования кулайских древностей в распоряжении археологов оказался *документированный массовый* материал, происходящий с *одного* культового места. Отметим, что автору удалось не только осуществить исчерпывающую публикацию добытого материала, но и разработать ряд сюжетов, в которых морфология и иконография кулайской художественной пластики занимают не последнее место.

Трудно утверждать однозначную приверженность исследователей какому-либо одному из выделенных направлений. В сфере внимания авторов оказываются различные аспекты изучения кулайской металлопластики, зачастую присутствующие в одних и тех же работах. Тем не менее, подчеркнем, что из всех направлений лишь по проблематике формального направления до сих пор отсутствуют специальные монографические работы. Это также свидетельствует об актуальности темы нашего исследования.

ГЛАВА 2

МОРФОЛОГИЯ ПЛОСКОГО АЖУРНОГО ЛИТЬЯ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. Классификация кулайской металлопластики в работах западносибирских исследователей

Принято считать, что первая классификация кулайского литья принадлежит М.Ф. Косареву и проведена по сюжетно-видовому составу. Это не совсем так. Если рассматривать выделенные М.Ф. Косаревым категории кулайских бронзовых изделий как основу для дальнейшей классификации, то, помимо критерия *вида*, мы увидим *в одном ряду* критерий *формы* (четыреугольные ажурные решетки), а также критерии *объема* (читай - *технологии*) и *назначения* (скульптурные наверхия).

Первая классификация кулайских зоо- антропоморфных изображений принадлежит Л.А. Чиндиной [1984]. Плоское одностороннее ажурное литье объединено автором в тип I. По Л.А. Чиндиной оно характеризуется стилизованностью изображений животных — гипертрофированностью некоторых деталей, полиморфизмом-многовидностью, видовым несоответствием признаков, «скелетностью» изображений. Дальнейшее классификационное членение типа I по сюжетным и видовым особенностям показывает, что помимо критериев вида и сюжета, в классификации присутствует критерий формы. Избежать смешения критериев Л.А. Чиндиной не удалось. Так, деление на группы произведено одновременно по признакам вида (человек — животное) и сложности (простое — сложное).

Я.А. Яковлев, оставил в неприкосновенности критерии и общую схему Л.А. Чиндиной и расширил ее на нижних таксономических уровнях [Яковлев, 2001]. Отметим, что Я.А. Яковлеву тоже не вполне удалось соблюсти требования, предъявляемые для классификации. Основное препятствие - опять же смешение признаков-оснований для классификации на самом первом этапе. Основания для выделения Я.А. Яковлевым первых двух типов имеют *технологико-морфологический* характер. Основание для выделения третьего типа - *вид персонажа* (птица). В четвертом типе объединены *технологические* (полые), *морфологические* (скульптурные) и *функциональные* (наверхия) критерии.

Основной недостаток классификации по сюжетно-видовым признакам-заключается, на наш взгляд, в том, что она изначально ориентирует на восприятие образа-персонажа, то есть в ее основе лежит семантический, а не формальный подход.

2.2. К проблеме размещения на плоскости кулайских изображений

Вместе с тем, морфологическая и, вытекающая из нее терминологическая характеристика наталкиваются на проблему определения базового визуального ракурса ряда кулайских изображений. В первую очередь это относится к полиморфным изображениям, созданным на базе какой-либо геометрической фигуры. Данной проблеме посвящен второй параграф.

В нем определены основные подходы, которые, на наш взгляд, допустимо использовать при определении способов размещения изделий кулайской металлопластики.

2.3. Морфология плоского ажурного литья

Предложенное нами разделение кулайского плоского ажурного литья, не отменяет уже существующие классификации. Даже при наличии отмеченных погрешностей, они выполняют необходимую аналитическую функцию. Однако в *основание* предлагаемой нами классификации положены не сюжетно-видовые признаки, а морфологические характеристики изображений. Такой подход обусловлен поставленной целью - выявлению иконографических и стилистических характеристик кулайского ажурного литья. Выявление морфологических признаков не сопровождается их таксономическим построением. Значимость признака для иконографической характеристики образа *не зависит* от того, на каком уровне классификационной схемы располагается этот признак.

Для достижения поставленной цели разработан следующий алгоритм исследования:

о Разделение изображений на верхних таксономических уровнях с целью выявления базовых конфигураций (*групп*), определяющих форму изделия.

о Статистическая характеристика на качественном и количественном уровнях стилистических и иконографических признаков выделенных групп.

о Корреляция признаков на качественно-количественном уровне с целью выявления иконографических типов и стилистических инвариантов, в той мере, в какой это позволяет сделать, имеющийся в настоящее время материал.

Всего нами учтено 313 изделий. Для проведения статистического анализа использовались материалы, происходящие с территорий Барнаульского, Новосибирского и Томско-Нарымского Приобья, которые мы объединили понятием Верхнего Приобья. С этого региона происходит 231 изделие. Из них для морфологической характеристики использовано 206 изделий.

Весь корпус плоского ажурного литья кулайской культуры разделен на два основных класса в соответствии с тем, что положено в основу формы изображения.

КЛАСС 1. Объединяет мономорфные и полиморфные изображения, в основе которых лежит «завершенная фигура» какого-либо «биологического вида», морфологические характеристики которой определяют общую форму изделия. Таким образом, класс 1 включает следующие группы изображений:

- *Группа 1.* Антропоморфные фигуры.
- *Группа 2.* Фигуры копытных (травоядных).
- *Группа 3.* Фигуры хищников.
- *Группа 4.* Фигуры бобров.
- *Группа 5.* Фигуры орнитоморфов.

КЛАСС 2. Объединяет полиморфные изображения, в основе которых лежит какая-либо геометрическая фигура, определяющая общую морфологию изделия. Присутствующие здесь образы, представленные, как правило, в редуцированном виде, не влияют кардинальным образом на форму изделия. Мы назвали эти изображения «композициями на геометрической основе» или для краткости «геометрическими композициями». Класс 2 включает следующие группы изображений:

- *Группа 1.* Изображения на основе замкнутого круга или овала.
- *Группа 2.* Изображения на основе усеченного круга или овала.
- *Группа 3.* Изображения на основе замкнутого прямоугольника.
- *Группа 4.* Изображения на основе незамкнутого прямоугольника — П-образной пластины.
- *Группа 5.* Изображения на основе линейной горизонтальной пластины.

Морфологическая характеристика групп содержит количественные данные признаков, выделенных отдельно для каждой группы. Для изображений класса 1 это признаки формы туловища, головы (и ее деталей), конечностей и т. д. Для групп 1-3 вычислены пропорции фигур.

Проведенный анализ выявил отсутствие единых принципов морфологии образов плоского ажурного литья кулайской культуры. Так, морфологические характеристики антропоморфных изображений разнятся в пределах разных классов. Морфология лосей и хищников, напротив, несмотря на их разную «видовую» принадлежность, демонстрирует много общих черт. Чрезвычайно многообразны морфологические признаки орнитоморфов. В целом результаты морфологического анализа позволили перейти к сравнительной и, затем, итоговой характеристике стилистики и иконографии плоского ажурного литья.

ГЛАВА 3

ИКОНОГРАФИЯ И СТИЛИСТИКА ПЛОСКОГО АЖУРНОГО ЛИТЬЯ

В результате последовательного сравнения количественных показателей признаков антропоморфных и зооморфных образов на изображениях разных групп и классов получены сведения о сходстве и различии иконографии одного и того же образа в пределах класса 1 и класса 2. На основе данных качественной и количественной статистики проведен качественно-количественный анализ четырех групп кулайской металлопластики.

Антропоморфные фигуры (полные и редуцированные).

Построенный граф распался на пять групп.

Группу 1 составила взаимосвязь 12 основных признаков, представляющих следующий иконографический тип изображений. Это фигуры, имеющие сплошное подпрямоугольное туловище без выделенных ног, с руками, опущенными вдоль туловища. Для них характерна овальная или приостренно-овальная голова без ушей и без зооморфных или иных окончаний, нередко подчеркнутая по контуру тонким валиком. В последнем случае она сопровождается Т-образной формой линий бровей и носа. Изоморфные глаза и рот показаны сплошными выпуклостями.

Группа 2 показала последовательную взаимосвязь пяти морфологически значимых признаков, обозначивших вероятность существования следующего иконографического типа. Это фигуры с трапециевидным туловищем, выделенными ногами, округлой головой без каких-либо окончаний и дуговидными надбровьями.

Группа 3 выявила устойчивое сочетание трех базовых и двух периферийных признаков, характеризующих отдельные детали оформления верхней части фигур. Взаимосвязанным оказалось наличие на фигуре изоморфных овальных или подпрямоугольных глаз, показанных выпуклым контуром, трехчастных окончаний на голове, а также рук, разведенных в разные стороны.

Группа 4 представляет собой замкнутый пятивершгашый цикл, включающий только признаки оформления верхней части фигуры. Это изображения, имеющие усеченно-овальную форму головы, окаймленную по верху очельем, относительно изоморфные глаза и рот и прорезные уши. Руки таких фигур имеют трапециевидную форму каждая.

Группа 5 образована тремя признаками. Это изоморфные прорезные глаза и рот, показ линии носа (без бровей) и полуовальный абрис обеих рук.

Выделившиеся группы связей 1 и 2, можно рассматривать как иконографические типы антропоморфных фигур. На это указывает в первую очередь наличие в этих группах следующих морфологически определяющих признаков: форма туловища, форма головы, наличие или отсутствие ног. Группа 4 характеризует в большей степени иконографию голов, которая подверглась специальному анализу.

Личины.

Построенный граф распался на две группы. Анализ этих групп позволил разделить их на подгруппы, каждая из которых четко маркирует определенный иконографический тип личин.

Первый иконографический тип представляют круглоголовые личины без выделенного контура, без ушей, без очелья, без окончаний-наверший, как правило, без носа и бровей (в ряде случаев показан только нос без бровей). Из всех возможных деталей присутствуют изоморфные глаза и рот, показанные сплошными округлыми выпуклостями.

Второй иконографический тип представлен личинами на основе овала, приостренного в верхней части. Для них характерен показ изоморфных глаз и рта контурным валиком овальной или подпрямоугольной формы.

Третий иконографический тип. Его представляют личины овальной формы со сплошными ушами, с Т-образной формой линией бровей и носа. С последним признаком связано выделение абриса лица контурным валиком.

Четвертый иконографический тип характеризуется личинами усеченно-овальной формы с прорезными углами, относительно изоморфными глазами и ртом. Для этих личин свойственно наличие выделенного очелья и пары боковых, как правило, зооморфных, окончаний-наверший.

Заметим, что в принципе можно рассматривать первый и второй иконографические типы как *варианты* одного типа. Ситуация с третьим и четвертым типами - аналогична.

Фигуры лосей.

Построенный граф четко распался на две группы.

Группа 1 составила замкнутый цикл из 9 жестко взаимосвязанных признаков, характеризующих следующий иконографический тип изображений лосей. Это фигуры, корпус которых смоделирован на ортогональной основе, морда с замкнутой по контуру пастью также имеет подпрямоугольную форму, ноздри не показаны, глаза имеют округлую форму, уши оформлены в виде двух выступов, шея удлинена. Конечно-сти показаны двумя передними и двумя задними ногами и имеют двухчастные окончания. Для изображений этого типа не характерна подгубная «шишка». Мы объединили эти изображения понятием «*первый иконографический тип изображений лосей*».

Группа 2 образована за счет жесткой взаимосвязи также девяти признаков. Они замкнуты в единый цикл, характеризующий *второй иконографический тип изображений пост.* К нему относятся фигуры, туловище которых смоделировано на базе трапеции и, что гораздо реже, овала. Глаза имеют овальную форму, ноздри показаны и тоже имеют форму овала. Для изображений второго типа, как и для первого, свойственно оформление ушей в виде двух выступов (это единственное, что их объединяет). Характерной чертой данных изображений является наличие подгубной «шишки». Передние и задние конечности показаны одиночными выступами без выделенных окончаний.

Фигуры хищников.

Построенный граф разделяется на две группы.

Группа 1 представляет *первый иконографический тип* изображений хищников, характеризующийся полной взаимосвязью пяти признаков, замкнутых в единый цикл. Это фигуры, выполненные на ортогональной основе, с беззубой пастью, «вздыбленной шерстью» на загривке. Две передние и две задние конечности имеют трехчастные окончания. При этом ортогональный корпус оказывается связанным также с овальным (невыделенным) оформлением конечностей. Последний признак является единственным общим для группы 1 и группы 2.

Группа 2 менее монолитна. Граф этой группы имеет ядро, представленное шестивершинным циклом, обозначенным нами как подгруппа 1. Базовым признаком этой подгруппы является показ конечностей в виде одной передней и одной задней ноги. Эга изображения имеют овальное туловище, более или менее выраженный горб, овальный, реже округлый глаз, одно ухо. Периферийные связи подгруппы 1 фиксируют взаимообусловленность признаков овального туловища и задранной вверх нижней челюсти, а также признаков наличия горба и отсутствия выделенного лба.

Остальные связи, со значительной долей условности, объединены в группу 3. По сути, эта группа разделена на две подгруппы связей, общим для которых является наличие выделенного лба. Итак, подгруппа 3а характеризуется связью признаков выделенного лба, раскрытой пасти с отогнутыми в разные стороны челюстями и показа зубов. Подгруппа 3б образована за счет связи признаков выделенного лба, пасти, замкнутой по контуру (с внутренней прорезью), глаза овальной формы и двух ушей.

Выявившиеся группы и подгруппы связей могут быть охарактеризованы как *иконаграфические типы и подтипы* корпусных изображений хищников.

Отметим весьма показательные моменты *изоморфности* графов связей признаков лосей и хищников, которые позволяют говорить об относительной *изоморфности иконографических типов* этих образов.

Первый иконографический тип *лосей* и *первый* иконографический тип *хищников*, несмотря на имеющиеся различия, связанные, прежде всего, со спецификой иконографии голов, фиксируют общность связи двух базовых иконографических признаков: ортогональной формы туловища и двух пар конечностей. Другая пара связей, во многом определяющая специфику первого иконографического типа лосей: раскрытая пасть, замкнутая перемычкой по краю и наличие двух ушей также проявилась у хищников

Группы связей 2 на каждом графе, которые представляют *второй* иконографический тип *лосей*, и *второй* иконографический тип *хищников* тоже показали наличие одинаковых связей: овальная форма туловища - показ одной передней и одной задней ноги - округлые окончания конечностей - овальная форма глаза.

Таким образом, прослеженная на уровне качественных и количественных характеристик, стилистическая общность изображений лосей и хищников, проявилась и на уровне иконографических типов.

Для большинства образов, присутствующих на изделиях класса 2 характерны крайний схематизм и редуцированность изображений, во многом объясняемые их меньшими размерами по сравнению с фигурами класса 1.

Отдельно были выделены и рассмотрены полиморфные изображения, сочетающие на одном изделии от двух и более различных образов. Эти изображения были подвергнуты качественно-количественному анализу с целью выявления сочетаемости разных образов на одном изделии. В результате выявились две пары связей с вероятностью 95 %. Одна пара связей фиксирует взаимосвязь антропоморфных и орнитоморфных образов, другая пара - взаимосвязь образов лося и хищника.

Таким образом, внешние антиподы - лось и хищник оказались синтаксически связанными. На этом фоне, отмеченное нами стилистическое единство изображений этих персонажей приобретает более глубокий смысл.

Прослеженная связь антропоморфных и орнитоморфных образов тоже симптоматична. В раннем средневековье сочетание на одном изображении антропоморфных и орнитоморфных образов будет во многом определять специфику бронзовой металлопластики не только Верхнего Приобья, но и всей Западной Сибири, Урала и Приуралья. В этой связи не исключено, что в раннекулайское время мы фиксируем ранние этапы формирования данной традиции. Возможно, что именно по причине начавшегося сложения этого единого антропо-орнитоморфного образа, раннекулайские орнитоморфы находились в «пограничном» состоянии и, в силу этого состояния, не имели стабильной иконографии.

Иконография *орнитоморфных* изображений чрезвычайно разнообразна. По этой причине, а также в связи с малым объемом выборки, корреляция признаков антропоморфов не проводилась. Выделяются четыре подгруппы, в основу которых положен ракурс фигур.

ГЛАВА 4

КУЛАЙСКОЕ КУЛЬТОВОЕ ЛИТЬЕ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Проблема происхождения феномена кулайского бронзового литья имеет, по меньшей мере, два аспекта. Первый аспект связан происхождением традиций кулайской художественной металлообработки, то есть собственно бронзолитейного производства. Второй аспект гораздо шире и включает проблему происхождения кулайской изобразительной традиции, которая не всегда реализовывалась исключительно в металле.

4.1. К предыстории кулайской художественной металлообработки

Художественная обработка бронзы известна в Западной Сибири, начиная с самусьско-сейминского времени. Хотя в эту эпоху она не была массовой, имеющиеся находки весьма показательны, прежде всего, с позиции технологии изготовления изображений.

Данные, которые явно говорили бы о *непосредственной* генетической связи кулайской металлообработки с бронзолитейным производством эпохи бронзы, отсутствуют. Во многом различны и ритуальные составляющие процесса производства изделий и их использования. Тем не менее, некоторые общие черты можно проследить.

1. Плоское ажурное литье появляется в эпоху средней бронзы и связано с самусьско-сейминским культурно-хронологическим горизонтом.

2. Между среднебронзовым и раннежелезным ажурным литьем пунктиром проходят находки ажурных изделий и форм для их отливки, происходящие из Барабы, Среднего Прииртышья, низовьев Конды.

3. Появление в эпоху поздней бронзы культовых мест, связанных с металлообработкой свидетельствует, об изменении отношения общества к бронзолитью в сторону повышения его социальной значимости и сакрального статуса.

4. Несмотря на единичность находки бронзовой фигурки с Чудской горы и ее отличия от кулайских изделий, она фиксирует первые «позднебронзовые» опыты отливки и использования в ритуальных целях *на культовом месте* бронзовых антропоморфных изображений.

4.2. К происхождению кулайской изобразительной традиции

Проблема происхождения кулайской изобразительной традиции, безусловно, сложна. С одной стороны достаточно очевидно, что кулайская иконография имеет корни, глубоко уходящие в предшествующие эпохи. С другой стороны, очевидно, что эта преемственность не лежит на поверхности и требует самого тщательного изучения. Основная сложность заключается в том, что фиксируемые черты сходства кулайских изображений, как с более ранними, так и с поздними, часто не образуют ситуации взаимной связи. Иными словами, они не всегда выглядят как единый иконографический тип.

Один из возможных подходов к решению данной проблемы — обращение к наиболее характерным образам и специфическим деталям их стилистики и иконографии, с целью выявить варианты их происхождения и, таким образом, попытаться составить по возможности цельное представление о «поведении» кулайской изобразительной традиции во времени и пространстве.

Разумеется, не следует представлять ситуацию таким образом, что кулайская изобразительная традиция представляет собой некую сумму традиций предшествующего времени и синхронных инокультурных влияний. Основная часть кулайского творчества самобытна, т. е. является продуктом коллективной изобразительной деятельности, стилистико-иконографические основы которой сформировались в эпоху раннего железа.

4.2.1. Генезис антропоморфных изображений

При обращении к возможным истокам иконографии кулайских антропоморфных персонажей, нас, прежде всего, интересовали не отдельные находки, а их комплексы. В эпоху средней бронзы мы фиксируем лишь два неравноценных по объему комплекса антропоморфных изображений.

Первый из них представлен антропоморфными рисунками на керамике поселения Самусь IV. В связи с отсутствием опубликованной статистической характеристики иконографии самусьских антропоморфов (за исключением параметрических данных - Глушков, 1987), мы ограничились аналогиями. Визуальный анализ позволяет увидеть следующие элементы сходства иконографии:

- Большинство голов самусьских и кулайских антропоморфов выполнены на основе вертикального овала, усеченного (или незавершенного) сверху;
- При абсолютном преобладании формы туловища, которую И.Г. Глушков сравнивает с биконической, на самусьских изображениях встречаются строго ортогональные туловища, хорошо представленные на кулайских фигурах;

- Большинство самусьских и кулайских антропоморфов имеют изоморфные глаза и рот;
- Наличие «лучей», продолжающих вверх линию овала лица, изоморфно в обеих традициях. Наличие трех таких «лучей» позволяет исследователям видеть в них своеобразную «корону»;
- Аналогично заполнение туловищ самусьских и кулайских (в том числе на керамике) фигур поперечной «лесенкой»;
- Особого внимания заслуживает, прослеженная И.Г. Глушковым, статистически сильная связь между крутом или овалом и соединенными с ними изображениями человека [Глушков, 1987, с. 92-93].
- В целом следует отметить высокий удельный вес самусьских композиций, выполненных на основе овала или дуги - фигуры, преобладающей в кулайской «геометрии».

Отдельно рассмотрены изображения «человека в круге». Выявлена специфика их иконографии для эпохи средней бронзы, раннего железного века и средневековья.

Другое направление аналогий кулайским антропоморфам задают фигуры из могильника эпохи средней бронзы Боровянка XVII в Среднем Прииртыше. Помимо сходства сюжетных композиций («человек в круге»), мы имели редкую возможность сравнить комплекс иконографических признаков. В результате выявилось, боровянский комплекс изображений *полностью* соответствует *первому иконографическому типу* кулайских фигур и *первому иконографическому типу* кулайских личин.

Таким образом, можно предположить, что первый иконографический тип кулайских фигур и личин восходит к эпохе средней бронзы и среди других кулайских иконографических типов является генетически наиболее древним. При этом кулайская металлонластика содержит яркие примеры, иллюстрирующие сосуществование, по меньшей мере, двух иконографических типов.

4.2.2. Генезис зооморфных образов

Исследование аспектов происхождения зооморфных образов кулайской ажурной металлопластики сопряжено с большим количеством сложностей. Обращаясь к этой проблеме, исследователи, начиная с начала 70-х гг. XX в., неоднократно апеллировали к материалам нижнетомских писаниц.

Действительно, ряд изображений томских «писаных камней» обладает большей или меньшей схожестью с кулайскими изображениями. Вместе с тем, безусловное стилистико-морфологическое сходство некоторых кулайских изделий и некоторых изображений с Томских писаниц не может однозначно свидетельствовать о совпадении семантики этих культурных явлений, как это нередко утверждается исследовате-

лями. Более того, одновременность наскальных рисунков Нижней Томи выводит вопросы хронологической и семантической близости кулайских изображений и нижнетомских петроглифов в отдельную проблему, требующую специального исследования.

При обращении к материалам нижнетомских писаниц, мы вынуждено перешли от сравнительного метода к методу аналогий. Таким образом, нас, прежде всего, интересовали моменты сходства, а не различия.

Образ *лося* на кулайских фигурах и нижнетомских писаницах имеет ряд общих черт:

- Наиболее изоморфны кулайским не «грубые» изображения с Новоромановских писаниц [Окладников, Мартынов, 1972, с. 242], а изящные фигуры с Тутальской писаницы. Их сходство в ряде случаев доходит до полной изоморфности;

- На ряде нижнетомских изображений присутствует характерный для первого иконографического типа кулайских лосей, показ пасти, замкнутой перемышкой по краю;

- Несмотря на утверждение о том, что ни на одной из нижнетомских фигур «...нет характерных пышных лосиных рогов» [Окладников, Мартынов, 1972, с. 194], на Томской писанице такие изображения присутствуют [Там же, рис. 152,156]. Характерно, что они воспроизводят специфически кулайскую манеру показа рогов, с выделением длинного и массивного фронтального рога;

- В нескольких случаях загривок нижнетомских лосей выделен отдельной линией, идентичной оформлению загровка у ряда фигур Кривошеинского культового места;

- В двух случаях на нижнетомских камнях зафиксированы двухъярусные «слившиеся» морды лосей, объединенные одним «корпусом». В кулайском литье тоже известны два таких случая;

- В ряде случаев практически идентично «скелетное» оформление туловища, включающее показ «линии жизни» и продольное разделение туловища.

Образ *хищника* встречается на нижнетомских писаницах крайне редко. Если отделить от этих изображений явные фигуры медведей, то количество этих образов на Нижней Томи будет исчисляться единицами. Тем неожиданней на этом фоне выглядят практически идентичные кулайским фигуры хищников, происходящие с наскальных рисунков у озера Байкал. На фоне находок в Восточной Сибири бронзовой металлопластики, имеющей явные черты иконографического сходства с кулайскими личинами, исследование отмеченного сходства может оставить отдельное и, весьма перспективное направление исследований.

Происхождение *арпоморфных* образов во многом неясно. Рассмотрены аспекты генезиса *профильных* изображений птиц и *анфас*

с распахнутыми крыльями. Оригинальной чертой, связывающей кулайских орнитоморфов с самусьскими, является своеобразный показ поднятого крыла у профильных изображений. Оно оформлено в виде пластины (линии), отходящей от *шеи*.

4.3. К вопросу о южном компоненте кулайской изобразительной традиции

При изучении генезиса кулайской культуры исследователи неоднократно обращались к изобразительной деятельности кулайцев для подтверждения своих культурогенетических концепций. В итоге, проблемы происхождения кулайского художественного стиля сфокусировались в двух направлениях:

- антропо-, зоо-, орнитоморфные изображения кулайской культуры по своим сюжетно-стилистическим особенностям обусловлены художественной традицией предшествующих эпох Западной Сибири вплоть до самусьской;
- раннежелезная бронзовая пластика Приобья - результат проникновения в таежную зону идей и художественных принципов скифо-сибирского, а затем хунно-сарматского миров.

Мы полагаем, что южный импульс, повлиявший на стилистику и иконографию кулайских изображений, в первую очередь, антропо- и орнитоморфных, действительно фиксируется на территории Томско-Нарымского Приобья. Однако относится он не к раннему железному веку, а к периоду средней бронзы и в культурном отношении связан с южным компонентом самусьской культуры, «возродившимся» в раннем железном веке.

В скифо-сакскую эпоху зарождающаяся кулайская металлопластика испытала лишь незначительное влияние скифо-сибирского звериного стиля. Черты, нередко трактуемые исследователями как пришлые южные, в полной мере могут быть интерпретированы как местные, уходящие своими корнями в эпоху бронзы.

Вопрос о хуннском влиянии сложнее. Волна хуннского влияния, прокатившаяся на запад в конце I тыс. до н. э., затронула и таежные территории. Изделия, восходящие к ордосским образцам, были известны кулайцам и использовались таежным населением в ритуалах вплоть до IV в. Однако хуннские сюжеты и изобразительные приемы не модифицировались и не развивались кулайцами сообразно их изобразительной традиции. Возможно, есть основания говорить о влиянии хуннской культуры на кулайскую в целом, в совокупном объеме культурных заимствований или даже о взаимовлиянии культур. Вместе с тем, утверждать сколько-нибудь существенное влияние хунну на формирование кулайской изобразительной традиции, сегодня нет оснований.

4.4. Территория распространения плоского ажурного литья кулайской культуры

В параграфе проанализирована специфика плоского ажурного литья в пределах Верхнего Приобья. Верхнеобские материалы сопоставлены с находками, происходящими из Сургутского Приобья, Среднего и Нижнего Прииртышья. Определена периферия изучаемого явления. Основные характеристики кулайской металлопластики рассмотрены на фоне известных изобразительных традиций Урало-Сибирского региона. Сформулирована культурная специфика кулайской изобразительной традиции.

При этом наиболее устойчивыми во времени и пространстве оказались две наиболее специфичные черты иконографии кулайских антропоморфов -- изоморфность глаз и рта, а также Т-образная линия бровей и носа.

В *заключении* подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, определены перспективы дальнейших исследований.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. О состоянии изученности кулайской металлопластики // Обские угры. Материалы П-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». - Тобольск-Омск: ОмГПУ, 1999. - С. 258-260. В соавторстве с А.Я. Труфановым.

2. К вопросу об остроголовом и плоскоголовом персонажах в западносибирской изобразительной традиции // Самодийцы. Материалы IV-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». - Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2001. - С. 240-241.

3. Кулайские перевертыши // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. - Сургут: МУ ИКНГЦ «Барсова гора», 2002. — С. 133-140. В соавторстве с А.Я. Труфановым.

4. О критериях классификации кулайского плоского ажурного литья // Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. 9-14 сентября 2002 г. Ханты-Мансийск. - Екатеринбург: «Академкнига», 2002. - С. 141-143.

Труфанова Жанна Николаевна

ПЛОСКОЕ АЖУРНОЕ ЛИТЬЕ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(стилистика-иконографический анализ)

Специальность - 07.00.06 - археология

Оригинал-макет подготовлен
в редакционном отделе Издательского центра СурГУ.

Подписано в печать 17.03.2003 г. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 1,45. Уч.-изд. л. 1,25.

Печать трафаретная. Тираже 100. Заказ № 40.

Отпечатано полиграфическим отделом Издательского центра СурГУ.

г. Сургут, ул. Лермонтова, 5.

Тел. (3462) 32-33-06

Сургутский государственный университет
628400, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Сургут, ул. Энергетиков, 14.

Тел. (3462) 52-47-00, факс (3462) 52-47-29